

Содержание

- 6 От редактора
- 9 *И. Александр Каменский, Людмила Ерамова.*
Жизнь и приключения сочинителя
«Сибирских заметок»
- 10 Часть первая, повествующая о том, как далеко могут увести
следствие ложные следы
- 25 Часть вторая, содержащая сведения о подлинной жизни
Ипполита Канарского, чиновника и сочинителя
- 31 Часть третья, повествующая о службе Ипполита Канарского
в Комиссии о сооружении в Москве Храма во имя
Христа Спасителя, его взлете и падении
- 47 *II. Ипполит Канарский.* Сибирские заметки:
Дневник чиновника с 1809-го по 1814-й
- 99 Приложение
- 136 Список иллюстраций
- 138 Аннотированный именной указатель

От редактора

Публикуемый документ передается с точным сохранением его стилистических и фонетических особенностей, т.е. с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук. Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию. Деление текста на слова и предложения проводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, проставляются необходимые по смыслу знаки препинания. Авторские скобки передаются круглыми скобками (). Квадратными скобками [] обозначается текст, вносимый публикатором.

Пропущенные в документе и восстановленные по смыслу слова воспроизводятся в квадратных скобках. Непрочтенный из-за повреждения документа (обрыв, стертость от ветхости, разрыв, пятна, выцветание), а также неразобранный текст отмечается отточием в квадратных скобках.

Прописные и строчные буквы при публикации текста документов употребляются в основном в соответствии с современными правилами орфографии. Явные описки (двукратное написание отдельных букв, слогов, слов, перестановка букв, пропуск букв) устраняются в тексте.

* * *

Неоценимую помощь в работе над этим изданием оказали А.В. Матисон и И.И. Федюкин. Вся ответственность за остающиеся в тексте ошибки и неточности, разумеется, лежит на научном редакторе.

Александр Каменский

I. Жизнь и приключения
сочинителя
«Сибирских заметок»

*Александр Каменский,
Людмила Ерамова*

Часть первая, повествующая о том, как далеко могут увести следствие ложные следы

Публикуемые в данном издании «Сибирские заметки» — это относительно небольшие по объему воспоминания русского чиновника средней руки, большая часть которых посвящена его службе в Восточной Сибири, а точнее — в Иркутской губернии в 1811–1813 гг. Так, по крайней мере, кажется на первый взгляд, и поскольку мемуарных свидетельств подобного рода сохранилось немного, то уже поэтому эти воспоминания представляют определенный научный интерес и заслуживают публикации¹. Однако в действительности дело обстоит много сложнее. И жанр этого сочинения, и цель его создания отнюдь не очевидны. Более того, при внимательном знакомстве с текстом выясняется, что значительная часть содержащихся в нем сведений намеренно искажена, причем сделано это выборочно и довольно специфическим образом. Иначе говоря, можно предположить, что мы имеем дело со своего рода литературной мистификацией, но мистификацией особого рода, поскольку события вымышленные соседствуют в ней с вполне реальными. Подготовка текста к изданию превратилась поэтому в расследование, о стадиях которого имеет смысл рассказать по порядку.

Источник

Рукопись «Сибирских заметок» сохранилась в составе «Сборного личного фонда» Российского государственного архива древних актов (РГАДА)². Фонд этот представляет собой коллекцию разрозненных документов личного происхождения преимущественно XVIII–XX вв., оказавшихся в архиве в разное время и разными путями. «Сибирские заметки», судя по карандашным записям на приложенном к рукописи конверте с

¹ Наиболее близкими по содержанию являются воспоминания И.Т. Калашникова «Записки иркутского жителя» (Русская старина. 1905. Т. 123. № 7. С. 187–251), однако их автор, родившийся в 1797 г., стал иркутским чиновником значительно позже автора «Сибирских заметок». Наблюдения этнографического характера о жизни в Иркутске и Иркутской губернии можно найти в воспоминаниях Е.А. Авдеевой (Авдеева Е.А. Воспоминания об Иркутске // Отечественные записки. 1848. Т. 59. № 8. С. 125–138; Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837).

² РГАДА. Ф. 1468. Сборный личный фонд. Оп. 1. Д. 914. Л. 1, 1–30.

сургучной печатью Центрархива, а также на л. I самой рукописи, поступили в архив в 1929 г.³ Рукопись написана черными чернилами, четким хорошо читаемым почерком на полулистах бумаги со штемпелем Татаровской бумажной фабрики Протасьева в левом верхнем углу. Согласно данным С.А. Клепикова, такая бумага выпускалась в 1865–1883 гг.⁴, и, следовательно, рукопись появилась на свет более чем через полвека после описываемых в ней событий. Текст рукописи почти не имеет помарок и исправлений и выглядит как беловик, переписанный с предшествовавшего ему черновика. В нижней части листов 1–1 об. и 26–29 об. небольшие фрагменты текста размыты (в публикации отмечены квадратными скобками), но часть текста читается. Рукопись имеет титульный лист с написанным тем же почерком, что и весь остальной текст, заголовком «Сибирские заметки. Дневник чиновника с 1809-го по 1814-й. Сост. М. Владимирский».

Первые вопросы

Первые вопросы вызывает уже заголовок рукописи. Во-первых, заметки и дневник — это два разных жанра, и текст рукописи соответствует, скорее, первому из них, поскольку не разбит на датированные записи дневникового характера. Во-вторых, кто такой М. Владимирский? Автор воспоминаний или только их составитель, как он себя называет? Если бы рукопись датировалась первой четвертью XIX в., то автор вполне мог обозначить себя составителем, однако для второй половины этого столетия это уже было менее характерно. С другой стороны, если мы имеем дело с выполненной во второй половине XIX в. аккуратной копией

³ На конверте надпись карандашом: «По поруч. Т. Максакова — дневник чиновника Сибирские заметки за 1809–1814 гг. на 30 полул. Составл. Владимирским и получено от Яницкого. От 12 апр. 1929 г.» и «Т. Лапину». На л. I пометка карандашом: «т. Шпилеву от Яницкого». Владимир Васильевич Макасов (1886–1964) — известный историк-архивист, в 1921–1934 гг. был членом коллегии и ученым секретарем Центрального архивного управления РСФСР (Центрархив), заместителем заведующего Центрархива РСФСР. Яницкий — по-видимому, Николай Федорович Яницкий (1891–1979) — в 1921–1931 гг. директор Российской книжной палаты, а до этого, в 1925–1926 гг., зам. директора Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Николай Антонович Лапин (1888–193?) — историк, сотрудник Центрархива, впоследствии зав. кафедрой Историко-архивного института. Шпилев — по-видимому, сотрудник Российской книжной палаты.

⁴ Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959. С. 108.

более ранней рукописи, то соответствующая формулировка может быть просто воспроизведением оригинала, тем более что подпись «М. Владимирский» имеется и в конце рукописи. Наконец, в-третьих, в тексте «Сибирских заметок» названы только три конкретные даты — 1811, 1812 и 1813 гг., и, хотя в ней кратко описаны и предшествующие события из жизни автора, хронологию их, как будет показано ниже, если и можно определить, то лишь по косвенным данным, да и то условно. Но, может быть, заголовок рукописи означает, что она действительно «составлена» неким М. Владимирским на основе какого-то дневника, имевшего более широкие хронологические рамки?

В поисках автора

Согласно правилам источниковедческого анализа, работу с историческим источником следует начинать с его атрибуции, т.е. с вопроса об авторстве «Сибирских заметок». Как уже говорилось, наиболее подробно и с конкретными деталями в записках в соответствии с их названием описана служба автора в Сибири в 1811–1813 гг. и, как кажется, использование этих сведений — наиболее надежный и быстрый способ получить ответ на искомый вопрос.

Итак, автор «Сибирских заметок» сообщает, что прибыл в Иркутск 28 марта 1811 г. и вскоре ему «была дана должность ассессора двух экспедиций и вслед за тем прикомандирован первым членом строительной комиссии», а спустя еще несколько дней ему «дали должность советника губернского правительства». Таким образом, по словам автора, он занимал одновременно три должности, что должно было обеспечивать ему довольно заметное положение в иркутской чиновной иерархии.

Обращение к адрес-календарям за соответствующие годы, однако, показало, что чиновника с фамилией Владимирский в Иркутске в 1811–1813 гг. не было, а значит, версия о его авторстве сразу же отпала⁵. Забегая

⁵ Более того, если верить именному указателю Российского государственного исторического архива, такой фамилии вообще нет в адрес-календарях XIX в. При работе с адрес-календарями надо, однако, иметь в виду, что, при огромном информационном потенциале этого источника, «из-за небрежности местных исполнителей поступление списков иногда запаздывало, некоторые учреждения их вообще не представляли. В результате этого составители, наборщики, корректоры работали в постоянной спешке, и это накладывало отпечаток на характер и структуру издания. Мы видим в книгах следы постоянной перевёрстки страниц, изменение порядка материалов, дополнения, выносимые в конец книг. При этом в уже отпечатанных экземплярах и власти, и читатели всегда

вперед, скажем, что идентифицировать таинственного М. Владимирского пока не удалось. В каталоге Российской государственной библиотеки числится книга, на титульном листе которой напечатано: «Рассказ про великие дела маленького государства. Васко де Гама и экспедиция его в Ост-Индию с предыдущими и последующими географическими открытиями. Составил М.М. Владимирский. Санкт-Петербург: Типогр. В.С. Балашева. 1876». Каталогная карточка расшифровывает инициалы составителя как Михаил Михайлович⁶, аналогично выглядит соответствующая каталожная карточка и в Российской национальной библиотеке. Не исключено, что это составитель и нашей рукописи, заинтересовавшей его, поскольку в ней также речь идет о путешествии, однако это не более чем догадка.

Но кто же в действительности занимал должности, указанные автором «Сибирских заметок»? Прежде всего обращает на себя внимание, что «строительная экспедиция» губернского правления впервые упоминается в списке чиновников и присутственных мест Иркутской губернии только в адрес-календаре на 1811 г. По-видимому, это связано с тем, что в 1811 г., как и сообщает автор «Сибирских заметок», в Иркутске было начато строительство Московских триумфальных ворот. Первым членом строительной экспедиции в адрес-календаре назван коллежский ассессор Степан Иванович Лебединский. Примечательно также, что это имя вообще впервые появляется в списке иркутских чиновников именно в 1811 г.⁷ В адрес-календарях на 1812 и 1813 гг. Лебединский числится в той же должности, но в адрес-календаре на 1814 г. вместо строительной экспедиции появляется «строительная часть», в которой Лебединский уже не значится. Таким образом, годы службы С.И. Лебединского в строительной экспедиции Иркутского губернского правления идеально совпадают с годами службы автора «Сибирских заметок», и, поскольку это

находили неисправности» (Степанов В.П. Предисловие // Русское служилое дворянство второй половины XVIII в. (1764–1795). СПб.: Академический проект, 2003. С. 4). Об адрес-календарях см. также: Арутюнян В.Г. Из истории адрес-календаря (1801–1825 гг.) // Румянцевские чтения. М., 2007. С. 13–19.

⁶ Еще один, или тот же, Михаил Михайлович Владимирский, согласно каталогу Российской национальной библиотеки в 1864 г. опубликовал в шестом номере «Морского сборника» под заголовком «Подсудность, судопроизводство и порядок суда на морях Западной Европы» свой перевод отрывка из книги Т. Ортолана «Règles internationales et diplomatie de la mer».

⁷ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1811. СПб.: Имп. Академия наук, 1811. Ч. 2. С. 342.

единственный чиновник с таким сроком службы, естественно было предположить, что именно он и является подлинным автором воспоминаний.

Казалось бы, проблема решена, однако сразу же появились основания поставить эту версию под сомнение. Во-первых, к списку чиновников в адрес-календаре на 1811 г. имеется сноска: «Состояние чинов по 16 ноября 1810 года»⁸, в то время как наш автор, по его уверениям, прибыл в Иркутск лишь в марте 1811 г. Во-вторых, в действительности из списка чиновников Иркутской губернии Лебединский не исчезает вовсе: в адрес-календаре на 1814 г. он значится городничим г. Нерчинска⁹, и эту должность он, опять же судя по адрес-календарям, занимал по крайней мере до 1816 г., в то время как автор «Сибирских заметок», по его уверению, покинул Сибирь в 1813 г. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что автор (если бы им и вправду был Лебединский) слукавил и в действительности в 1813 г. он получил не увольнение со службы, как пишет об этом в своих воспоминаниях, а продолжительный отпуск, за которым последовало новое назначение. Впрочем, позднее Лебединский и вправду оказался в Петербурге и уже в чине надворного советника служил сперва в Журнальном столе Департамента духовных дел Министерства народного просвещения, а затем петербургским следственным приставом. Можно было бы предположить, что подобное искажение автором реальных событий было продиктовано литературным замыслом «Сибирских заметок», о чем речь пойдет ниже. Однако в адрес-календаре на 1811 г. С.И. Лебединский значится еще и управляющим Троицко-Савской пограничной канцелярии¹⁰, но уже в 1812 г. он эту должность оставил. В записках об этом не упоминается вовсе.

Наконец, в-третьих, с определением Лебединского, как автора записок, есть и еще одна неувязка. Автор «Сибирских заметок», если верить тексту рукописи, был, скорее всего, дворянином, или по крайней мере человеком со связями в аристократических кругах. Его семья, как он уверяет читателей, жила в Москве, дядя — в Петербурге, а родственники — в Казани. В Иркутск, по его уверениям, он приехал с тремя рекомендательными письмами к губернатору от каких-то влиятельных лиц, а до этого, также с рекомендательными письмами, был принят тобольским губернатором. Очевидно и то, что, хотя он и называет себя человеком «мало значущим», наш автор был человеком небедным. Сетуя на свою службу в Сибири, он ни разу не упоминает о низком жалованье; в Иркутске он

⁸ Месяцеслов... на 1811. Ч. 2. С. 342.

⁹ Там же. С. 346.

¹⁰ Там же. С. 350.

купил дом, а еще раньше «домик» для матери в Москве. Читая красочные описания его путешествий по Сибири, так и представляешь себе заметаемого пургой одинокого путника, но, судя по косвенным упоминаниям и проговоркам, он путешествовал не один, а в сопровождении не только проводников-бурят, полагавшихся ему как чиновнику, но и собственных слуг, в частности «сельского повара». Из сказанного можно заключить, что отец автора должен был быть по крайней мере средней руки помещиком, чиновником или военным. Между тем адрес-календари на 1770–1790-е годы называют лишь одного Лебединского, который предположительно мог быть отцом Степана Ивановича, — Ивана Петровича, служившего полковым судьей в Киевской губернии вплоть до 1796 г.¹¹

Итак, версию об авторстве Лебединского пришлось отвергнуть и вновь обратиться к адрес-календарям, чтобы посмотреть, кто занимал другие должности, названные автором «Сибирских заметок». Советниками губернского правления адрес-календарь на 1811 г. называет надворного советника Николая Петровича Горлова и коллежского советника Василия Владимировича Берга¹². В адрес-календаре на 1812 г. в этой должности также числится Горлов, а второе место секретаря значится вакантным¹³. Но при этом и Горлов, и Берг были секретарями уже и в 1810 г.¹⁴ и, значит, на авторство «Сибирских заметок» претендовать не могут. «При обоих экспедициях для произведения следственных и других поручений» в адрес-календаре на 1811 г. значится коллежский асессор Яков Козмич Цитович¹⁵, а в адрес-календаре на 1812 г. — «при обеих экспедициях для поручений по делам» состоял коллежский асессор Ипполит Иванович Кенарский (Канарский)¹⁶. В 1813 г. вакансия секретаря губернского правления оказалась занятой надворным советником Федором Федоровичем Белявским, а Канарский по-прежнему состоял при обеих экспедициях¹⁷, но зато его имени нет в адрес-календаре на 1814 г.

Таким образом, именно Канарский, чья служба в Иркутске очевидно прервалась в 1813 г., стал вторым кандидатом на авторство «Сибирских записок». И именно эта, вторая, версия оказалась верной.

¹¹ См.: Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795) / сост. В.П. Степанов. СПб.: Академический проект, 2003.

¹² Месяцеслов... на 1811. Ч. 2. С. 342.

¹³ Месяцеслов... на 1812. Ч. 2. С. 351–352.

¹⁴ Месяцеслов... на 1810. Ч. 2. С. 330–331.

¹⁵ Месяцеслов... на 1811. Ч. 2. С. 343.

¹⁶ Месяцеслов... на 1812. Ч. 2. С. 352.

¹⁷ Месяцеслов... на 1813. Ч. 2. С. 354.

Великая сила интернета

Первым естественным действием после предположительного установления имени автора было выяснить, что знает о нем интернет. И поиск на сочетание «Канарский Сибирские заметки» сразу же дал соответствующий результат. Выяснилось, что отрывок из этого сочинения был в 1901 г. опубликован Петром Ивановичем Щукиным в шестой части его «Бумаг, относящихся до Отечественной войны 1812 года» под заголовком «Отрывок из “Сибирских записок” Ипполита Канарского, писанных в 1827 году»¹⁸. Вероятно, многим историкам, занимающимся архивными разысканиями, приходилось испытывать разочарование от того, что, казалось бы, впервые обнаруженный ими документ оказывался давно известным и опубликованным в каком-нибудь из многочисленных русских дореволюционных журналов или сборников. В данном случае, однако, речь идет лишь о небольшом фрагменте интересующей нас рукописи, причем благодаря публикации Щукина не только подтверждается авторство Канарского, но и становится известной дата составления его заметок. Причем, как можно предположить и как будет показано ниже, дата эта имела особое значение в жизни автора.

Вместе с тем сравнение опубликованного Щукиным отрывка с рукописью РГАДА обнаружило, что стилистически они значительно отличаются друг от друга:

Рукопись РГАДА

Возвратясь в город, я узнал еще новое печальное известие: нашествие неприятеля на Москву. Это доставило мне много страданий, как о моем милом отечестве, так и о моих родных, у которых не было иного приюта, как только одна Москва. Страхи умножались, а отдаленность расстояния лишала меня возможности быть участником в разделении несчастий. Все будущее представлялось очень грустным и

Публикация П.И. Щукина

Возвратясь в город, нашол новое беспокойство: нашествие неприятеля к Москве приводило меня в сострадание, как о милом моем отечестве, так и о родных моих, у коих не было иного приюта, как Москва. Страхи умножались, а отдаленность лишала меня средств быть участником в разделении несчастий; все будущее страшило меня, по крайней мере настоящее; не представляло еще ужасного;

¹⁸ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Часть шестая. М., 1901. С. 122–123.

мрачным; почта еще не приходила из Москвы, и наши приятельские беседы стали [л. 18] чаще. Мы уже думали, что при несчастном случае можем и мы погибнуть, ибо что будет значить чиновник без начальства, а что будет значить начальник, когда здешний отчаянный народ узнает о перемене! Как в Сибири мы были безопасны от нашествия неприятеля в столицу, так ужасны могли быть последствия при изменениях в правлении. В такой тревоге прошла неделя, а на другой мы получили сведение, что Москва уже взята неприятелем, и мы совершенно упали духом. Служебные дела пришли в полный застой, и мы занимались единственно только одними известиями о ходе войны. Удивляло меня чувство некоторых ссыльных: они плакали, как о потере своей собственности и незаметно было даже и тени какого-либо духа возмущения ни в одном месте. Какая настала для нас радость и какое торжество, когда мы получили весть, что французы вышли из Москвы и ретировались обратно по своим кровавым следам! Мы ежеминутно оживали, воспрянули духом. Впрочем, чувство это известно всем любящим свою родину, свое отечество.

хотя и было трудно, но человек рожден для трудов, терпение — его эмблема. Было время, что не было почти должности, но и без ней был в заботе, тогда не было трудов, но терпел более. Терпение везде и во всех случаях первое и последнее, без него и ожидание не имело бы успеха. Иногда можно бы назвать себя покойным, но, когда не отрицаешься от людей, не устранишь сердца от страданий ближнего, тогда нет возможности прожить без чувств горести. Если бы не привыкал человек сносить огорчения, он погиб бы скоро.

Почта не бывала из Москвы и приятельские беседы с некоторыми из благонамеренных чиновников были чаще; мы уже думали, что при несчастном случае можем мы погибнуть, что будет значить чиновник без начальства и что будет значить начальство, когда узнает народ отчаянной о перемене. Как мы в Сибири были безопасны при нашествии неприятеля к Столице, так ужасны могли быть последствия при изменениях в правлении. Прошла неделя в сей тревоге, а на другой получили сведение, что Москва взята неприятелем, и дух наш упал совершенно. В сем положении проходило время в недеятельности по делам и только занимались одними известиями о действиях войны.

Удивляло меня чувство некоторых ссыльных, они плакали как о потере

своей собственности и неприметно было духа возмущения ни в одном месте. Какая радость и торжество, когда получили весть, что французы вышли из Москвы и ретировались обратно по кровавым следам своим. Мы оживали ежеминутно. Чувства сии известны всем, кто привязан к своему отечеству.

1813-й год.

Вслед за этим я получил письма. Первое — от меньшей сестры, что она приехала в Петербург, второе — от зятя. Он уведомлял меня подробно, как до вступления неприятеля главнокомандующий успокаивал жителей Москвы¹⁹, чтобы они не боялись и оставались на своих местах жительства, но это ж, однако, нимало не останавливало никого от предохранения своих вещей. Все живущие в доме с ними выбрали в глухом и темном месте кладовую, снесли туда свои пожитки и заложили их кирпичами. За неделю до прихода неприятеля уже многое множество выехало семей из Москвы, а за два дня является мужик из деревни знакомой помещицы, которая пригласила их к себе, чему, конечно, наши обрадовались, но выехать было не на чем, пешком же для моей больной матери было немислимо отправиться. К счастью, однако, нашли какую-то лошаденку с телегой, купили ее и что только

1813 года. Вслед за сим получил письма, первое от меньшей сестры, что она приехала в Петербург, и второе от зятя: он уведомил меня подробно, как до вступления неприятеля главнокомандующий успокаивал жителей Москвы, чтобы они не боялись и оставались на месте жительства, однакож такое обеспечение не могло остановить от предохранения вещей своих; все живущие в доме с ними выбрали в глухом и темном месте кладовую, снесли свои пожитки и заклали кирпичами. За неделю до неприятеля выезжало из Москвы множество семей. За два дня является мужик из деревни знакомой помещицы с приглашением приехать к ней; они обрадовались, но выехать было не на чем, пешком идти невозможно по причине болезни матери моей. К счастью нашли лошадь с телегой, купили ее и что только можно увести в узелках, то и положили.

¹⁹ Имеется в виду главнокомандующий Москвы Ф.В. Ростопчин.

можно было увезти с собою в узелках, то и положили. [л. 18 об.]

Доброта и гостеприимство Г-жи И.; несколько моих родных прожили у ней около 3-х месяцев. Когда неприятель вышел из Москвы, то жители, бывшие поблизости, возвращались к своим домам и находили одни развалины, полное опустошение; следы пожара обезобразили древнюю столицу. Сестра узнала, что кладовую, где было спрятано их имущество, разграбили до тла, а к болезни матери прибавилось еще горе, именно: монастырский ее домик сгорел, но я был рад хотя тому только, что они остались все живы.

Доброта и гостеприимство Гж. И. несколько успокоила родных моих, у коей жили они 3 месяца. Когда вышел неприятель из Москвы, тотчас жители, поблизости бывшие, возвращались к домам и находили одно опустошение и развалины; следы пожара обезобразили древнюю Столицу. Сестра узнала, что кладовую, где лежало их имущество, разграбили, а к болезни матушкиной прибавилось еще горе, что в монастыре домик ее сгорел. Все сие огорчило меня, но я рад был тому, что они живы.

Как видим, по сравнению с публикацией Щукина рукопись РГАДА отредактирована. Ее язык сделан более современным; изменен порядок слов, в ряде случаев вставлены слова, поясняющие смысл выражений, свойственных языку первой четверти XIX в. и, по-видимому, казавшихся редактору архаичными. Так, к примеру, выражение «приводило меня в сострадание» превратилось в «доставило мне много страданий». Но, главное, рукопись РГАДА несколько сокращена: в приведенном отрывке из нее, в частности, удалены философские рассуждения автора о значении терпения. Это дает основания предполагать, что публикация Щукина основывается на оригинальном тексте, в то время как наша рукопись — это текст, подвергшийся довольно серьезной обработке. Скорее всего, она и была осуществлена таинственным М. Владимирским. Возможно, рукопись готовилась им к публикации в каком-то периодическом издании, и именно в результате сокращения и редакторской правки «Сибирские записки» (название, характерное для мемуарной литературы XIX в.) превратились в «Сибирские заметки».

Естественно предположить, что если П.И. Щукин был обладателем оригинальной рукописи «Сибирских записок», то пусть не ее автограф, но по крайней мере копия могла отложиться в его обширном рукописном собрании, хранящемся ныне в Государственном историческом музее. Увы,

обнаружить там ее следы не удалось, и по уверению сотрудников Отдела письменных источников музея, ни с чем подобным они не сталкивались. Правда, в фонде Жукина имеется письмо к нему некоего Николая Яковлевича Канарского, в котором говорится о продаже картины И.К. Айвазовского²⁰. Не исключено, что это был какой-то потомок автора записок, познакомивший Жукина с воспоминаниями своего предка.

Может возникнуть вопрос: а стоит ли вообще публиковать обнаруженную в РГАДА рукопись, если это не подлинник, а переработанный текст? Однако, во-первых, шансов найти когда-нибудь подлинную авторскую рукопись немного, а во-вторых, историки активно используют огромный массив мемуарных текстов, опубликованных в исторической периодике второй половины XIX — начала XX в., хотя, вероятно, они подвергались не менее серьезной редактуре, чем «Сибирские заметки» Канарского, причем проверить это в большинстве случаев невозможно из-за того, что подлинные рукописи, хранившиеся в частных архивах, до нас не дошли.

Перебирая эти даты

Как уже упоминалось, некоторые сообщения «Сибирских заметок», касающиеся как событий жизни автора, так и упоминаемых в его воспоминаниях людей, намеренно искажены и зашифрованы. Чтобы расшифровать их, следовало в первую очередь попытаться восстановить представленную в рукописи и, как станет ясно из дальнейшего, мнимую хронологию жизни автора, взяв за точку отсчета первую упомянутую им точную дату — 11 января 1811 г., когда он «был отправлен из Петербурга в Иркутск». До этого, по его уверению, он «более года», т.е. по крайней мере в течение всего 1810 г., а скорее всего с конца 1809 г., находился на службе при некоем «генерале Л». Перед этим еще три с половиной года, опять же по его уверению, т.е. примерно с 1806 г. до середины или второй половины 1809 г. он служил в губернии «В», куда отправился со вновь назначенным туда губернатором.

В 1806 г. в Российской империи было шесть губерний, название которых начиналось на букву «В», — Вологодская, Владимирская, Вятская, Витебская, Виленская и Волынская. Поскольку Канарский утверждает, что ехал к месту службы через Москву, то по крайней мере Виленскую губернию можно из этого списка сразу исключить. В тексте, однако,

²⁰ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 265. Д. 34.

находим относящееся к губернии «В» замечание автора, что «в суровых нравах жителей кажется живо изображена суровость севера», что можно трактовать как указание на Вологодскую или Вятскую губернию. Другое косвенное свидетельство — упоминание в рукописи населенного пункта Зверинец, на подъезде к которому автор якобы нашел на дороге хлеб, в чем усмотрел доброе предзнаменование. Деревня с таким названием находилась в Вологодском уезде Вологодской губернии²¹. В пользу того, что Канарский имеет в виду именно Вологодскую губернию, как кажется, говорит и то, что как раз в рассматриваемое время в ней сменился гражданский губернатор: в адрес-календаре на 1806 г. губернатором назван еще А.А. Гаряинов, а за 1807 г. — тайный советник Карл Иванович фон Линеман (1748–1818). Известно, что назначен на эту должность он был в марте 1806 г. (скорее, это дата вступления в должность) и оставался на ней до октября 1809 г., что также вполне согласуется с версией хронологии, представленной в публикуемой рукописи²². Однако сразу же обратим внимание на то, что Канарский утверждает, будто губернатор, при котором он находился, покинул губернию «В», получив звание сенатора, но имени Линемана в списках сенаторов мы не находим, а значит, и все сказанное выше также выглядит сомнительным²³.

Если принять во внимание расстояние от Петербурга до Вологды и то, что, по сообщению рукописи, Канарский прибыл в «В» «в самый день Пасхи»²⁴, а до отъезда из Петербурга он некоторое время якобы жил у вновь назначенного губернатора, то очевидно, что свое новое назначение Канарский, если довериться навязываемой им читателю хронологии, получил не ранее второй половины 1805 г. До этого, по его уверению, он приехал в Петербург из Москвы вместе со своим мнимым благодетелем неким «гофмаршалом К», жил с ним во «дворце», а после того как «К» был отправлен в отставку, переселился в дом некоего «светлейшего З». Произошло это, как он утверждает, накануне Нового года, т.е., надо полагать, в конце 1804 г. Сколько точно автор до этого прожил в царском дворце в Петербурге, определить невозможно, но он упоминает, что через

²¹ Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1866. С. 46.

²² Электронный ресурс. < <http://ru.rodovid.org/wk/запись:476792> > (дата обращения: 02.12.2017).

²³ Карл Иванович фон Линеман имел звание генерал-лейтенанта; в конце XVIII в. занимал должность коменданта г. Екатеринбурга, умер и похоронен на территории Вологодской губернии. (См.: *Шереметевский В.В.* Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1914. С. 485.)

²⁴ В 1806 г. православная Пасха праздновалась 1 апреля.

три месяца после прибытия в столицу получил известие об увольнении со своей должности в Сенате в Москве. Таким образом, получается, что он покинул Москву и приехал в Петербург в 1804 г.

Повествование о своих злоключениях на государственной службе автор «Сибирских заметок» предваряет описанием своей влюбленности в некую девицу «R», упоминая при этом, что в это время ему было 18 лет. Если поверить в то, что речь идет о событиях 1803–1804 гг., то, следовательно, он родился в 1785 или 1786 г. Правда, затем, рассказывая о своих страданиях в Сибири, Канарский патетически восклицает: «О! Как вы, мои дорогие, мало знаете свет, искаженный злобою! А я в 24 года жизни узнал его настолько, сколько надо было по смерти». Если первое упоминание возраста точно, то 24 года ему должно было исполниться уже в 1810 г., а в 1813, к которому относится это восклицание, он был уже старше. Это можно было бы счесть за ненамеренную неточность, либо за намек на то, что он познал жизнь еще до приезда в Сибирь, если бы все эти даты имели хоть какое-нибудь отношение к действительности. Обратим, однако, внимание на обращение «мои дорогие». Может быть, далее нам удастся хотя бы предположить, к кому оно адресовано.

Загадка «R», «B», «K», «Z» и «L»

В первой части записок, описывающих его жизнь до приезда в Сибирь, Канарский не называет ни одного конкретного имени, за исключением музыканта Дица, обозначая всех остальных персонажей заглавными литерами. Список этих лиц начинается с «вдовы R», в дочь которой, как уже упоминалось, влюбился юный мемуарист. Поскольку это единственная фамилия, обозначенная в рукописи латинской литерой, можно предположить, что речь идет о какой-то нерусской семье. Однако идентифицировать ее, так же, как и друга этой семьи князя «B» (Вяземский? Волконский?), авторов рекомендательных писем к иркутскому губернатору «L», «P» и еще одного «L», как и госпожу «И» из второй части записок, помогавшую родственникам Канарского во время войны 1812 г., как кажется, не представляется возможным. Несколько больше шансов — у попыток идентифицировать «гофмаршала K», «светлейшего Z» и «генерала L», который одновременно мог быть и автором одного из рекомендательных писем.

Адрес-календари за соответствующий период времени называют единственным гофмаршалом двора Александра I С.С. Ланского, причем он занимал эту должность и после 1804 г. Единственным же придворным,

вышедшим в это время отставку, был обер-штальмейстер двора граф Николай Александрович Зубов (1763–1805), старший брат последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова и, согласно легенде, тот самый, кто 11 марта 1801 г. ударом табакеркой в висок убил императора Павла I. Фамилия Н.А. Зубова значится в адрес-календаре на 1804 г., но уже отсутствует в адрес-календаре на 1805 г., причем в августе 1805 г. Н.А. Зубов умер, хотя автор «Сибирских заметок» об этом не упоминает и, видимо, не случайно. Однако, если эта идентификация верна и Канарский намекает именно на Н.А. Зубова, то «светлейший З», к которому автор записок якобы переехал вместе с «гофмаршалом К» после отставки последнего, — это сам светлейший князь Платон Александрович Зубов (1767–1822), как раз в 1804 г. вернувшийся в Петербург. На тот момент он был единственным в России носителем подобного титула, и переезд к нему получившего отставку старшего брата «гофмаршала К» вроде бы подтверждает идентичность последнего. Правда, во всех биографиях Н.А. Зубова утверждается, что после отставки он проживал в своем московском имении, где и умер, но похоронен был в Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом. Но это уже подробности, которые Канарский мог проигнорировать.

Однако если наши рассуждения верны, то возникает вопрос: почему Канарский превратил обер-штальмейстера Н.А. Зубова в «гофмаршала К», изменив, таким образом, и его чин²⁵, и фамилию, а П.А. Зубова обозначил реальным титулом и начальной буквой его действительной фамилии? Точный ответ на этот вопрос дать невозможно, и остается лишь предположить, что, как станет ясно из дальнейшего, эти сведения играли для автора «Сибирских заметок» второстепенную роль и к особой точности он, скорее всего, не стремился.

Ключом к идентификации «генерала Л», как кажется, служит упоминание Канарским, что его начальник занимался изданием некоего журнала. В 1809–1810 гг., когда, по утверждению нашего мемуариста, он был погружен в занятия журналом, в Петербурге выходило только три журнала²⁶, из которых лишь один издавался генералом и не кем иным, как Алексеем Андреевичем Аракчеевым, основателем и издателем «Артиллерийского журнала». Таким образом, по версии, которую Канарский предлагает читателю, он был сотрудником Аракчеева, а тот, в свою очередь, одним из тех двух «Л», кто написал одно из рекомендательных писем к иркутскому губернатору.

²⁵ Ошибка в чине, конечно, могла быть ненамеренной, за давностью лет Канарский попросту мог забыть, какой придворный чин имел Зубов.

²⁶ См.: Русская периодическая печать (1702–1894). М., 1959.

Итак, вроде бы, картина прояснилась: до 1804 г. Канарский, согласно его утверждению, служил в московских сенатских учреждениях, в 1804–1805 гг. он находился в Петербурге, ожидая нового назначения, обещанного ему высокопоставленным придворным, в 1806–1809 гг. — на службе в Вологодской губернии, в 1810 г. — при А.А. Аракчееве, а в 1811 г. началась его служба в Иркутске.

«Все врут календари»!

Произведя все эти расчеты, естественно было сверить полученные данные с данными адрес-календарей. Однако выяснилось, что последние эту информацию не только не подтверждают, но категорически опровергают! Так, в адрес-календарях на 1807–1810 гг., т.е. в период, предшествовавший назначению в Иркутск, мы обнаруживаем нашего героя совсем не там, где можно было бы ожидать, а среди служащих Императорской Академии художеств: «при исправл. письм. дел губ. секр. Ипполит Канарский»²⁷. Среди же чиновников Вологодской губернии Канарский, напротив, не значится!

Некоторым утешением служит то, что адрес-календари позволяют реконструировать некоторые вехи жизненного пути Канарского и после описываемых в его «Заметках» событий. С 1813 г., когда он покинул Иркутск, его имя исчезает с их страниц почти на 10 лет и вновь появляется в 1823 г.: с этого времени Ипполит Иванович, уже в чине надворного советника и с орденом Св. Владимира 4-й степени на груди, оказывается правителем канцелярии Комиссии о сооружении в Москве Храма во имя Христа Спасителя²⁸. Служба эта продолжалась до 1827 г., когда Комиссия была упразднена, и именно тогда, если верить публикации Щукина, он написал свои «Сибирские заметки».

²⁷ Месяцеслов... на 1807. Ч. I. С. 519; 1808. Ч. I. С. 473; 1809. Ч. I. С. 504; 1810. Ч. I. С. 521.

²⁸ Месяцеслов... на 1823. Ч. I. С. 843; 1824. Ч. I. С. 877; 1826. Ч. I. С. 912; 1827. Ч. I. С. 969.

Часть вторая, содержащая сведения о подлинной жизни Ипполита Канарского, чиновника и сочинителя

Известные генеалогические справочники не содержат родословной благородного рода Канарских, хотя в XIX в. отдельные представители этой фамилии (по-видимому, польского происхождения) были занесены в родословные книги некоторых губерний. Не упоминается эта фамилия и в именных указателях к хранящемуся в РГАДА фонду Герольдмейстерской конторы, где аккумулировались сведения обо всех служащих дворянах Российской империи. Сведения об Ипполите Канарском обнаружались, однако, в изданных в 2010 г. О.Н. Наумовым ранее не публиковавшихся родословных росписях московского дворянства, составленных Л.М. Савеловым. Из них выясняется, что по просьбе нашего героя в 1840 г. он был записан в III часть родословной книги Московской губернии: «I поколение. 1. Ипполит Иван., из об.-оф. детей, р. 1782, студ. Мск. унив., в служ. с 1802, отст. колл. сов. 1840, орд. св. Влад. 4 1822. Ж. Елизавета Абрам. II поколение. 2/1. Александр Ипполит., р. 20 окт. 1828. 3/1. Леонид Ипполит., р. 23 июня 1832»²⁹.

Итак, во-первых, выясняется, что автор «Сибирских заметок» родился в 1782 г., т.е. по меньшей мере на три года раньше, чем можно предполагать по их тексту. Во-вторых, он учился в Московском университете, что некоторым образом объясняет его склонность к литературному творчеству. В-третьих, Канарский отнюдь не был дворянином по рождению. Однако, вступив в службу в 1802 г. он уже в 1805 г. имел чин губернского секретаря, т.е. XII класса. Во время службы в Сибири, т.е. к 1811 г., он был уже коллежским асессором (VIII класс), в 1822 г. был награжден орденом и в 1823 г. был надворным советником (VII класс), а вышел в отставку коллежским советником (VI класс). Также наш мемуарист был женат и имел двух сыновей.

Раз Канарский с семейством были занесены в родословную книгу, значит, его послужной список должен находиться в материалах

²⁹ Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 2: Дворянство жалованное и выслуженное / подгот. текста, предисл., коммент. и указ. О.Н. Наумова. М.: Старая Басманная, 2010. С. 57. Благодарим А.В. Матисона за указание на эту публикацию.

Департамента Герольдии, хранящихся в Российском государственном историческом архиве. И действительно, такой список там был обнаружен³⁰. На нем значится, что это копия с оригинала 1826 г., выданная из Комиссии по построению Храма Христа Спасителя. В списке значится:

«к[оллежский] с[оветник] и орд[ена] 4-й степени Св[ятого] Владимира кав[алер]. Ипполит Иванов сын Канарский, 44 лет, правитель канцелярии

из обер-офицерских детей

родового имени нет, благоприобретенное: имеет 4-х дворовых человек, за женой имени нет.

26.5.1802 в службу вступил из учеников Императорского Московского университета к делам Вятского гражданского губернатора и причислен к казенной палате с чином губернского регистратора].

8.9.1802 по Именному Высочайшему указу произведен в коллежские регистраторы].

2.4.1804 в Вятскую градскую полицию в частные приставы.

март 1805 по прошению переведен Правительствующего Сената в 7-й департамент].

13.6.1805 из коего по прошению уволен в Императорскую академию художеств в архивариусы

17.6.1805 протоколистом

31.12.1805 произведен губернским секретарем].

31.12.1808 - коллежский секретарь].

июнь 1810 уволен из Академии Художеств по прошению для определения в штат Сибирского генерал-губернатора

19.6.1810 в коллежский. ассessor].

15.6.1811 командирован в Иркутск и определен в оном ассессором обеих экспедиций

прикомандирован к исправлению в губернском правлении должности советника, где находился с 16 июня 1811 по 29 марта 1813

13.3.1812 поручен в заведование приказ общественного призрения

24.3.1814 прикомандирован к исправлению должности заседателя совестного суда

27.6.1814 утвержден в настоящие заседатели

по прошению уволен от службы за болезнью 12.8.1814

³⁰ РГИА. Ф. 1343 (Департамент Герольдии Сената). Оп. 23. Д. 999. Л. 4–5.

27.1.1815 поступил в канцелярию статс-секретаря Молчанова
2.5.1815 по Имен[ному] Выс[очайшем] указу произведен в над-
в[орные]. сов[етники].

11.11.1815 уволен для определения к другим делам

По Выс[очайшему] повелению 6.4.1819 причислен к Министерству
духовных дел и для приисквания материалов на сооружение Храма
во имя Христа Спасителя в Москве

23.11.1820 определен в Комиссию сооружения Храма в правителя
канцелярии с оставлением при прежнем поручении

по определению Комиссии исправлял должность советника с
14.5.1821 по 7.5.1824

по определению Комиссии за отъездом директора строения и
экономической части в С-Петербург возложены на него обязанности
по экономической части и исполнял вместо его в оной с 25 июня по
14 ноября 1821

22.8.1822 награжден орденом Св. Владимира 4-й степени
за выслугу лет по Выс[очайшему] указу, данному П[равитель-
ствующему] С[енату] сего 1826 года генваря в 19-й день награжден
чином кол[лежского]. сов[етника] с старш[инством] выслуги о чем
объявлено в Московских ведомостях сего года 17 февраля в 14-м №, но
за повешение же сим чином по сообщению Московской казенной пала-
ты следующие деньги всего 292 р. 1 к. с него взысканы и отосланы куда
следует — 19.1.1826

в походах, под следствием и под судом, в отпусках не был

В отставках: с 12.8.1814 по 27.11.1815, с 4.4.1819 по 6 число без
награждения

Женат. Имеет дочерей Надежду двух лет 4 мес[яцев] и Веру
одного года и 4-х мес[яцев]».

Помимо этого, в деле имеются еще три важные записи:

«свидетельство... Замоскворецкого сорока Николаевской, что
слывет Заяицкой, ц[еркви]³¹ 1828, запись № 20 20 окт. род. Александр
у прихожанина кол. сов. ... и законной супруги Елизаветы Абрамовой
... крещен 25 числа, воспр[иемник] губ[ернский] секр[етарь] Николай

³¹ Церковь Святителя Николая, что в Заяицком, расположена в Замоскво-
речье, на правом берегу реки Москвы, в северо-западной части квартала, об-
разованного пересечением проездов Раушской набережной, 2-го Раушского
переулка, Садовнической улицы и Устьинского проезда.

Андреевич Загряжский³² и майорская дочь девица Серафима Абрамова Баташева, св[ященник] Петр Иванов, диакон Петр Васильев».

«свидетельство... Замоскворецкого сорока Николаевской, что в Кузнецкой, ц[еркви]. 1832, запись № 20 23 июля в доме умершего кол[лежского] ас[ессора] Петра Егорова Звягина у живущего по найму кол[лежского] сов[етника] ... и законной супруги Елизаветы Абрамовой родился сын Леонид, крещен того же месяца 30, воспр[иемник] отст[авной] кол[лежский] секр[етарь] Николай Андреев Загряжский и д[ействительная] с[татская] с[оветница] вдова Марья Федоровна Колосова, иерей Андрей Федоров, диакон Иоанн Перов».

«список семейства... 1840 год

Ипполит Иванов сын К[анарский] 58 лет, женат на Елизавете Абрамовне, дети Александр 11, Леонид 7, недвижимого не состоит, в Москве, кол[лежский] сов[етник] и кав[алер], в отставке».

Дела семейные

Итак, в год составления послужного списка Ипполит Канарский был счастливым отцом двух дочерей с многозначительными именами Надежда и Вера, а уже после отставки у него родились два сына. Судя по всему, в узы Гименея он попал примерно в 1822/1823 году, т.е. будучи уже вполне солидным женихом. В качестве гипотезы можно предположить, что крестная мать его старшего сына «майорская дочь девица Серафима Абрамова Баташева» — это сестра его жены, поскольку у них совпадают отчества. Проверка этой версии с помощью интернета вновь подтвердила могущество глобальной сети.

Из обнаруженной на сайте Союза возрождения родословных традиций родословной росписи Баташевых выяснилось, что Елизавета и Серафима были двумя из пяти дочерей секунд-майора Абрама Федоровича Баташева (1752–1819), который в 1786 г. купил с аукциона у купца «бумажных и полотняных фабрик содержателя» А.И. Девятнина «в Медынском уезде движимое и недвижимое имение, содержащее земли, леса, мастеровые и работные люди по учиненной в Медынском нижнем суде описи и оценке 276 душ мужского и 310 душ женского пола, а всего

³² Н.А. Загряжский был коллегой Канарского по работе в Комиссии о сооружении Храма Христа Спасителя. В адрес-календаре на 1827 г. он числится еще чиновником XIV класса (Месяцеслов... на 1827. СПб., 1827. С. 371).

586 душ», организовал там бумажно-полотняное производство и жил в сельце Юдино Медынской округи Калужской губернии. На основании Высочайшего указа 1783 г. «о возвращении в первобытное предков состоянии» рода Баташевых (известен с конца XVI в.) он в 1785 г. получил из Герольдии свидетельство о дворянстве и был утвержден в дворянстве в 1789 г. Род был внесен в 6-ю часть Дворянской родословной книги Санкт-Петербургской губернии. Абрам Федорович был дважды женат и имел от обоих браков 5 сыновей и 5 дочерей. Первой его женой была умершая в 1781 г. Анна Герасимовна Сушкина, дочь тульского купца Герасима Стефановича Сушкина, второй — Елизавета Дмитриевна Немчинова, дочь московского купца 2-й гильдии Дмитрия Савельевича Немчинова. Примечательно, что Серафима Баташева, крестная мать старшего сына Канарского, оставалась девицей еще и в 1858 г.³³

Брак дочери Баташева, который сам был дважды женат на купеческих дочерях, с недворянином по происхождению, но достаточно успешным чиновником Канарским, да еще и после смерти отца, кажется вполне естественным. Очевидно также, что недвижимое имение умершего в 1819 г. секунд-майора было разделено в первую очередь между пятью его сыновьями, и потому одной из дочерей в качестве приданного достались, вероятно, лишь деньги. Возможно, на них семья обзавелась и четырьмя дворовыми. Стоит также обратить внимание на то, что трое из братьев Елизаветы Абрамовны — Иван, Федор и Николай — в разное время, как и Канарский, служили заседателями в судебных учреждениях.

Анализ данных

Итак, подведем некоторые итоги. С одной стороны, перед нами достаточно типичная карьера чиновника, достигшего дворянства службой. С другой — его восхождение по служебной лестнице вызывает некоторые вопросы. Выходец из обер-офицерских детей, студент Московского университета (неизвестно, закончил ли он курс и на каком факультете учился; если бы закончил, то должен был сразу получить чин титулярного советника), в 20 лет поступил на службу и действительно отправился в губернию В., но не в Вологодскую, как мы предполагали, а все-таки в Вятскую. Там он провел около двух лет, после чего оказался на службе в Седьмом апелляционном департаменте Правительствующего Сената, т.е. снова в Москве. Однако уже через три месяца (по собственному желанию?)

³³ Электронный ресурс. <<https://forum.svrt.ru/topic/10555-баташевы>> (дата обращения: 18.02.2019).

он перебрался в Петербург в Академию художеств, где прослужил целых пять лет. Далее начинается его сибирская эпопея, после которой он становится заседателем совестного суда (к сожалению, неизвестно где), продержавшись, впрочем, на этом месте менее пяти месяцев. Можно предположить, что болезнь, ставшая причиной его отставки с судейской должности, была мнимой, ибо еще через пять месяцев он оказывается в канцелярии тайного советника, статс-секретаря Петра Степановича Молчанова, который находился «у принятия прошений на Высочайшее имя»³⁴. Быстро получив тут, неизвестно за какие заслуги, чин надворного советника, он через десять месяцев был уже уволен «к другим» (каким?) делам и находился неизвестно где целых четыре года, пока не занялся делами Храма Христа Спасителя. В 1827 г. в возрасте 45 лет Канарский оказывается в отставке, пишет свои «Сибирские заметки» и через 13 лет, будучи отцом четверых детей, подает прошение о записи в родословную книгу Московской губернии.

Возникают по меньшей мере два недоуменных вопроса. Во-первых, довольно своеобразная карьерная траектория Канарского наводит на мысль о том, что, вероятно, у него действительно были какие-то высокие покровители. Во-вторых, выйти в отставку в 45 лет мог либо чиновник, который по состоянию здоровья уже никак не мог продолжать службу, либо достаточно состоятельный, способный прожить без государева жалования. Между тем, как следует из приведенных текстов, наш герой не обладал недвижимым имением и собственными крепостными, у него не было в Москве собственного дома, не было имения у его жены, и все, чем они владели, — это четверо дворовых, то ли купленных, то ли доставшихся Канарскому в качестве приданного. И при этом у них было четверо детей, т.е. довольно многочисленное семейство, которое каким-то образом нужно было содержать. На какие же средства они жили все эти годы? Не исключено, что ответ на этот вопрос связан с его последним местом службы, ведь, как известно, Комиссия о строительстве Храма Христа Спасителя была распущена в связи с открывшейся там растратой в миллион рублей, следствием чего стала ссылка в Вятку любимца и крестника Александра I архитектора Александра (Карла-Магнуса) Витберга.

34 Месяцеслов... на 1805. С. 21.